

Лит.: Эвентов И. Поэтический отчет // Звезда. 1953. № 5. С. 174–175; Назаренко Як. Славлю Родины цветенье! К 50-летию творческой деятельности Ильи Садофьева // Нева. 1960. № 7. С. 191–194; Губко Н. У истоков // Звезда. 1961. № 5. С. 199–201; Дымшиц А. «Я — поэт рабоче-крестьянский»: К 80-летию И. Садофьева // Звезда. 1969. № 8. С. 175–180.

В. Н. Запелов

САДУР Нина Николаевна [15.9.1950, Новосибирск] — драматург, прозаик.

Отец — профессиональный поэт, мать — учительница русского яз. и лит-ры. Путь С. в лит-ру был достаточно тернистым — около 10 лет рукописи пробивались к читателю. После окончания школы она поступила в Новосибирское отделение Московского ин-та культуры, одновременно работала в библиотеке, занималась в литобъединении местной писательской организации. Удача улыбнулась, когда С. попала на семинар молодых драматургов в Дубултах — там она познакомилась с драматургом В. С. Розовым, который заметил ее талант. С. переезжает в Москву и поступает в Лит. ин-т (окончила в 1983), занимается там в семинаре В. Розова и И. Л. Вишневской. Своими главными лит. учителями С. называет Розова и Евг. Харитонову, считая, что «общее между ними то, что ни один из них ни разу не солгал в письме».

Н. Н. Садур

Это были годы безденежья и неустроенности: С. жила с матерью в коммуналке на Патриарших прудах, родилась дочь, постоянного заработка не было, пришлось работать уборщицей в Театре им. Пушкина. Эти жизненные коллизии в причудливо преломленном виде проявятся позже в романе «**Чудесные знаки спасенья**» и в пьесе «**Замерзли**».

В 1982 была написана пьеса «**Чудная баба**», сразу принесшая автору известность в театральных кругах. С. начинают считать «творцом нового мифа», совершившим чуть ли не революцию в русском театре. Ситуация в пьесе поражает сплавом трезвой, реальной обыденности и мистических откровений космического масштаба: рядовой инженер КБ Лидия Петровна, посланная в подшефный совхоз убирать картошку и заблудившаяся на бескрайнем картофельном поле, встречает странную юркую, утверждающую, что она — зло мира. «Чудная баба» предлагает сыграть в «догонялки», и ставкой в игре будет судьба мира: если Лида выиграет — на земле наступит рай, если проиграет — мир погибнет. Осознавая бредовость ситуации, героиня, тем не менее, соглашается, не подозревая, что платой за спасение мира должна стать ее собственная жизнь... Драматизм ситуации усугубляется тем, что нравственный выбор героине нужно совершить мгновенно, не рассуждая и не рассчитывая.

Следующие 5 лет — время резкого взлета творческой активности: одна за другой пишутся пьесы «**Уличная ласточка**» (1982), «**Ехай**», «**Заря взойдет**» (1983), «**Сила волос**» (1984), «**Панночка**» (1986), «**Нос**» (1986), «**Замерзли**» (1987). В этих пьесах С. создает некий новый драматический жанр, в котором удается соединить казалось бы несоединимое — реальность и фантастику во вкусе абсурдистов, гротеск и тонкий лиризм, бытовую драму и философскую притчу. Так, героини пьесы «**Замерзли**», глухая Лейла, изуродованная собственным отцом, и юная Надя, оставленная на произвол судьбы своей молодой красивой матерью, работают уборщицами в жалком, бездарном театре, проклятом когда-то одной актрисой. Зима, пронизывающий холод, ледяная вода, растаявший снег — вот ярко выписанный реальный фон происходящего. Но героини «замерзли» и в другом смысле: от нищеты, одиночества и бесприютности замерзли их души, в них исчезает любовь, сострадание, они сами начинают мстить холодному окружающему миру.

Одна из самых значительных удач этого времени — «**Панночка**», пьеса, написанная

не столько «по мотивам» знаменитого гоголевского «Вия», сколько явившаяся блистательной его интерпретацией. Есть несколько важных моментов, в которых С. отвращается переосмыслить повесть Гоголя: в повести Хома Брут — только несчастная жертва драматических обстоятельств, в пьесе же герой, осознающий свою никчемность, оказавшийся жертвой темных сил случайно, все-таки находит в себе мужество сознательно вступить с ними в безнадежную схватку. В повести Гоголя явственно звучит мотив богооставленности: Бог покинул и храм, и сам этот мир, от ведьмы Хоме Бруту удается на время защититься не столько молитвами, сколько колдовскими заклинаниями, а предел власти нечистой силы кладет только крик петуха; в пьесе герой сражается силой молитвы, а когда церковь рушится, над миром встает лик Младенца Христа — и побеждает нечисть.

С. становится одним из ведущих российских драматургов, но пьесы ее известны только в рукописях или печатаются крохотными тиражами. Наконец в 1989 появляется первое серьезное издание пьес — «**Чудная баба**» с послесл. В. Розова. В этом же году С. вступает в СП. В 1990-х С. продолжает писать пьесы — «**Соборяне**», по одноименному роману Н. С. Лескова (поставлена в Театре им. Вахтангова), по мотивам «Мертвых душ» Гоголя написана пьеса «**Брат Чичиков**».

С. обращается и к прозе. В 1994 выходит первая книга прозы «**Ведьмины слезки**», в 1997 сб. «**Сад**», в 2000 — «**Чудесные знаки**». Главная творческая особенность С. — открытая граница «между голой правдой и вымыслом, между автобиографией и наваждением, между бытовым и сверхъестественным» (Соколянский А. — С. 235). Герои обитают в знакомом и вполне реальном мире советского и постсоветского кошмара — грязные коммуналки со злобными люмпенами-соседями, которые «самозародились» из крови убиенных когда-то царя и крестьянина, преданного собственным сыном, они гадят в углах, воруют, едят руками, утеряти даже человеческие имена — и называются Сальманелла и Жопа («Чудесные знаки спасения»). С. называет их «поясные люди» — они как будто вечно бродят по поясу в земле. В цикле «**Бессмертники**» такие же существа названы «люди-кишки», у них бесплодные, злобные и грязные души, в их жилищах никогда не расцветет прекрасный цветок (рассказ «**Цветение**»). Др. персонажи («люди-легкие») стремятся уйти от этого жуткого существования в светлые мечты, полусон-полубред, но и они погружены в мир оди-

ночества и привычного несчастья. Возникает ощущение, что народ огромной страны устал, надорвался — и стремительно вырождается. (Чудесные знаки. С. 86). «Сколько над нами наставлено опытов, да и просто, без опытов — мы же опыты в мире», — обреченно рассуждают персонажи повести «Сад». В рассказе «**Старик и шапка**» С. размышляет, что когда-то у народа «запросили радостных верящих сил на тысячу лет вперед, разом и без отдачи. И народ радостно отдал». (Чудесные знаки. С. 381). И в этом самоубийственном порыве он истощил, сжег себя. Так С. от конкретики, бытописательства в духе натуральной школы поднимается к философскому осмыслению действительности.

Убывание сил, усталость и жажду смерти ощущает и героиня повести «**Юг**», Ольга. В конце концов, в последней попытке обрести себя, она теряет даже собственное имя, становится Марией-странницей, бредущей в Новый Афон.

Мечта о Золотом веке, переходящая в болезненный надрыв, — тема повести «**Алмазная долина**». Верочка, прямолинейная и категоричная, безумно влюблена в собственного брата. Однажды он совершил подвиг — спас из огня ребенка, и в глазах Веры он вечно должен оставаться в «синеве небес, с флагом подвига». Брат же — человек обычный, у него семья и любовница, и Вере хочется отомстить ему, причинить вред, убить, «чтобы наконец понял — так жить нельзя».

Этот мир не только неблагоприятен, но и очень непрочен: тонкая преграда отделяет его от тайных мистических глубин жизни, откуда может ринуться слепая страсть — всесокрушающая любовь, сопротивляться которой невозможно. Она предстает то в виде белого от жасминового кипения сада, то — вьюги, бурана, но это мираж, настоящего сада никогда не увидит замученным и полубезумным героям повести «**Сад**» (др. название — «**Ветер окраин**»). В «Алмазной долине» ослепленная страстью Вера действительно решает убить брата, и ее безумный порыв порождает др. преступление — в жажде остановить мгновение, «в память о лете и подвиге» она останавливает время, и всех мучает «дохлое тепло мертвого времени».

В этом мире могут внезапно пробудиться и какие-то магические силы, совершенно не зависящие от человека и, как правило, враждебные ему. Иногда люди сами их пробуждают, воззвав к ним в минуту невыносимой боли и отчаяния. Согласно фольклорной традиции, вмешательство это не приносит избавления. «Человек, который из упрямства захочет

проникнуть в это, погибший человек. Он либо с ума сойдет, либо умрет, либо сохнет» — говорится во вступлении к циклу **«Проникши»** (Сад. С. 281).

Случайное же соприкосновение с этим миром может «сойти даром», а иногда и обернуться к лучшему — как, например, в рассказе **«Миленький-рыженький»**. Намек на выход — в романе **«Чудесные знаки спасения»**, где героиня силой любви удерживает погибшего возлюбленного от окончательного забвения и все надеется, что чудесный волк отвезет ее к нему на свидание, ибо не ненавистью, а любовью еще можно удержать этот мир от окончательного распада.

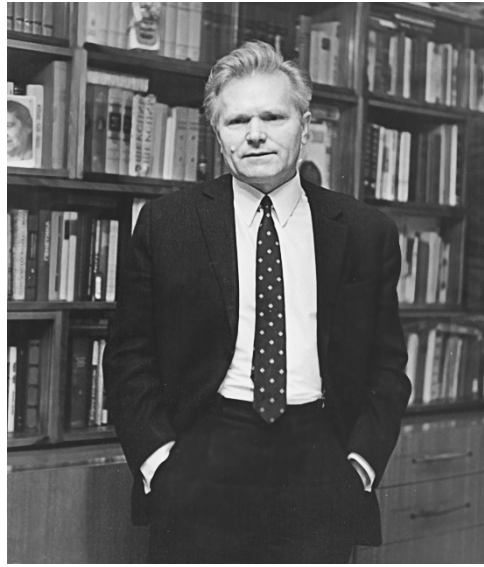
Соч.: Новое знакомство: пьеса в 2 действиях. М., 1986; Пока живые: пьеса в 7 действиях. М., 1987; Чудная баба: пьесы / послесл. В. Розова. М., 1989; Ведьмины слезки: Книга прозы. М., 1994; Сад. Вологда, 1997; Запрещено — все. М., 1998; Обморок: Книга пьес. Вологда, 1999; Чудесные знаки: Романы, повесть, рассказы. М., 2000.

Лит.: Хорошилова Т. Загадка Нины Садур // Комсомольская правда. 1989. 1 июня; Морозова И. Театр для чтения Нины Садур // Книжное обозрение. 1990. № 9. 2 марта; Пашкина Н. Магия творчества // Совр. драматургия. 1990. № 3; Дарк О. Мир может быть любой // Дружба народов. 1990. № 6; Любимов Б. «Мистерия-буфф»-92 // Театр. 1992. № 12; Кор Д. А. [Рец.] // Октябрь. 1993. № 5; Нечипоренко Ю. Юродство и радиация // Огонек. 1993. № 28; Резанов Г., Хорошилова Т. Чудные бабы // Комсомольская правда. 1994. 9–12 дек.; Нечипоренко Ю. О чем ведьмы плачут? // Общая газ. 1995. 19–25 янв.; Нечипоренко Ю. [Рец.] // Огонек. 1995. № 14; Соколянский А. «...И в чудных пропасть земли» // Новый мир. 1995. № 5; Тихомирова Е. Проникшая // Знамя. 1995. № 7.

А. К. Успенская

САЛЫНСКИЙ Афанасий Дмитриевич [9.9.1920, Смоленск — 22.8.1993, Москва] — драматург.

Родился в многодетной семье, воспитывался матерью (отец умер в 1923), пережил голодное детство. Старший брат и родной дядя С. в 1930-е были репрессированы. Окончил среднюю школу в Смоленске. С юных лет работал попеременно на заводе, шахте, стройке. 18-летним юношей был принят во вспомогательный состав и студию Смоленского областного драматического театра. Одновременно печатал статьи и заметки в местной газ. «Большевицкая молодежь», куда вскоре перешел на постоянную работу. В 1940 был призван в армию, начало войны встретил в литовском г. Шяуляй. С 1942 по

А. Д. Салынский

1946 служил ответственным редактором красноармейской газ. «За Советскую отчизну». Война не только выявила лит. призвание С., но и дала, по его словам, «направление дальнейших творческих поисков — лет примерно на двадцать пять вперед» (**О жизни, драматургии, театре**. С. 288). В послевоенные годы (1946–54) жил в Свердловске (ныне Екатеринбург), работал редактором в изд-ве, корреспондентом ж. «Огонек» по Уралу, «писал очерки, статьи, сценарии документальных фильмов» (**Автобиография**. С. 403).

Первые пьесы С.— **«Дорога первых»** (1949), **«Опасный спутник»** (1952) — выросли из его производственных очерков и были посвящены судьбам уральских горняков и шахтеров. Появившись на сцене Свердловского драматического театра, они неожиданно для автора привлекли внимание центральной печати, а затем и столичных театров. С одобрительными рецензиями на свердловский спектакль «Дорога первых» выступили Б. Н. Полевой в «Правде», А. В. Караганов в газ. «Советское искусство». Важное значение для начинающего драматурга имел отзыв Н. Ф. Погодина: «„Дорога первых“ — хорошая пьеса, вот настоящий жизненный сюжет и много таланта. Будет писатель!» (надпись на обложке свердловского изд. произведения, 1950). Вскоре первая пьеса С. была поставлена Московским драматическим театром (1951, реж. С. Майоров), а «Опасный спутник» — Малым театром (1954, реж. А. А. Гон-